
Александр КОМАРОВ

* * *

В тот год дожди хождения не имели,
зной исходил от неба и земли,
и гнало запах гари издали:
там, вдалеке, всюю леса горели.

О, да! — в прогнозах мы поднаторели,
но от вранья недалеко ушли,
поскольку и представить не могли
тридцатиградусный мороз в апреле.

Что вдруг произошло? Сместилась ось
земная? Ась? — не слышу! Вкривь и вкось
все понеслось. Но не сыскать ответа.

И вот покуда копошимся врозь,
трусливо лепеча себе: «Небось!» —
нам что-то внятно говорит планета.

* * *

В двадцать первом веку,
в двадцать первом веке
я — как сыч на суку,
как слепец в аптеке,
как заноза в боку,
как в пустыне реки.

Все, что знал, что учил, —
выбито, как плетью.
Как сюда проскочил,
не уловлен сетью?
Жаль, что не опочил
к новому столетию.

Из просроченных круп
я готовлю ужин.
Никому я не люб,
никому не нужен.
Вскоре будет мой труп
кем-то обнаружен.

Александр Юрьевич Комаров — поэт, родился в Ленинграде в 1945 году. Автор пяти поэтических книг. Живет в Санкт-Петербурге.

Но ведь как посмотреть!
Скромненько заметим:
предстоит овладеть
нам тысячелетьем,
что отныне и впредь
назовется — «третьим».

Из почтения к нему
поживу немножко.
Свет в окне. Мир в дому.
На столе — картошка.

* * *

Чуть что — приятели в кусты...
И не с кем перейти па «ты»,
и из-под каждого куста
выглядывает пустота.
А где растет погуще куст, —
там лишь сухой и громкий хруст
от ног бегущего долой,
а вслед, собакой, — ветер злой.

* * *

Л.

Торопится помочь подруге,
жалеет всех котов в округе,
и целый день, сбиваясь с ног,
лелеет-холит лук-чеснок...

Но и того ей было мало:
солила и мариновала,
пропальвала и копала,
сушила, жарила, пекла
и завершала все дела
уже посередине ночи,
когда недоставало мочи
и сами закрывались очи,
а ночь фактически прошла.

Спала. Сползало одеяло.
Луна назойливо сияла,
будя. Но спящая спала,
поскольку утром предстояло
вновь приниматься за дела.

* * *

И что ни день — я пребывал в печали.
Кондукторы меня не замечали:
я занимал одно из лучших мест —
кондукторы не брали за проезд;
я был пустое место на работе;
стихи мои, созревшие в блокноте,
которым бы печататься пора,
не замечали все редактора...

Скольжу меж вами без движений резких,
как тень полупрозрачной занавески
посередине пасмурного дня...
Возможно, что и не было меня.

* * *

А чтобы жить в России
нам было не слабó, —
поступим, как Россини,
а лучше — как Рембо.
И станет тихо-тихо,
умолкнем, как гробы.
Им — никакого лиха.
Нам — никакой судьбы.

* * *

К сонету льнул покойный Фоняков.
Но Кушнер в нем не усекает смысла.
А упомянешь — улыбнется кисло,
оставив этот спор для сопляков.

Никто не хочет для себя оков.
И чуть угроза где-нибудь нависла,
чтобы словами управляли числа, —
все врассыпную... Я же — не таков:

меня влечет — не часто, иногда —
охота поприжать свободу слова:
ишь распоясались! Но не беда,

я в том не вижу ничего такого —
их ущемить немного. Ерунда!..
Но высвободиться как сладко снова!